

АЗБУКА ВЕРЫ

прот. Максим Козлов

Вопросы о Церкви

Вопросы о Церкви

прот. Максим Козлов

протоиерей Максим Козлов

Многие считают, что вера должна быть в душе, а ходить в Церковь не обязательно. Так ли это?

Те, кто говорит, что вера должна быть только в душе, допускают две существенные ошибки. Во-первых, «вера в душе», как правило, сводится к абстрактному и умозрительному признанию бытия Бога, из которого человек в своей жизни почти никаких выводов не делает. В этой связи можно вспомнить слова Христа о том, что *и бесы веруют и трепещут* (Иак. 2:19). А такой человек чаще всего даже и не трепещет, но живет так, словно не было искупительной жертвы Спасителя за каждого из нас. Во-вторых, эта позиция никоим образом не выводима ни из Священного Писания, ни из Церковного Предания. Христос говорил о том, что Он пришел основать на земле Церковь, а не установить некий множественный союз Бога с отдельными, никак не связанными между собой людьми. И что пришел дать заповедь о любви не только к Богу, но и к ближнему. И лишь так может осуществиться полнота жизни человека.

Христианин делает добро не как античный герой и не как образец коммунистической атеистической морали и нравственности. Он стремится дать действовать через себя Богу. Христос говорил: *без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15:5). В этих словах заключается самая сердцевина духовной жизни христианина.

По словам апостола Павла, *сила... совершается в немощи* (2Кор. 12:9). Не в немощи уклонения и ложно-смирненного признания себя греховным, мол, грешен, не могу того-то сделать, а в той немощи, как у ребенка, который, когда учится писать, вручает руку свою матери, и она водит его рукой, и тогда слова получаются отчетливыми, внятными и красивыми. А если ребенок начнет сопротивляться и делать по-своему, то получают одни каляки-маляки. Так и в нашей духовной жизни. Когда мы проявляем такую немощь ребенка или немощь паруса, который надувается ветром, вот тогда у нас что-то и

выходит. Но это возможно только в Церкви. Почему? Потому что прихожане — это не сообщество людей, но организм, а священник — не жрец, не парторг, не психотерапевт, но человек, имеющий особую благодать от Бога совершать таинства и оказывать людям духовную помощь. Однако не в силу свои каких-то чрезвычайных дарований, а потому, что благодать священства ради пользы других дана от Бога. Собственно, вся история подтверждает слова святителя Киприана Карфагенского: «Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец». Одно дело умозрительно рассуждать о самых высоких материях, а другое — попытаться прожить напряженной духовной жизнью хотя бы сорок дней Великого поста. Пусть говорящие о «вере в душе» попробуют провести его по церковным предписаниям, и они увидят, как нечто изменится в их собственных, рассуждениях, потому что для подлинной духовной жизни и духовная чистота. Это то, что ныне забывается многими.

Но те, кто тяготеют к живому, личному общению с Богом, чаще всего считают, что Церковь, как социальный, общественный институт, высушивает веру и потому лучше обходиться и без церковных таинств, и без соборной молитвы. Есть ли в этом какой-то смысл?

Весь вопрос в том, насколько ответственно мы относимся к первоисточникам христианской веры. Конечно, если в наших вероучительных построениях главный критерий — «я сам», «мой собственный ум» и «мое собственное желание», то есть желание жить, как хочется, а сердце расположено к разного рода страстям, то тогда, конечно же, можно и Церковь отодвинуть на второй план. Но если мы договоримся о том, что Евангелие есть действительное свидетельство учения Христа, то тогда нельзя затушевать ту кардинальную истину, что Он пришел на землю не для того, чтобы дать этическую доктрину, возвышенный сборник нравственных норм, которым бы следовали Его ученики, не для того, чтобы объяснить тайны мира и создать самую величественную из всех философий, существовавших когда-либо. Он пришел, чтобы основать Церковь — таинственный духовный организм, в котором бы мы все с Ним, как главой, были соединены. И этот путь указывается Спасителем через таинства. *Кто войдет Мною, тот спасется* (Ин. 10:9), а сознательно

отвергнувший крест осудится. Кто будет участвовать в евхаристии, приобщаться Крови и Плоти, предлагаемых нам на трапезе Господней, тот станет наследником Царствия Небесного; а кто скажет: «Мне это не нужно», останется вне пира славы. И это слова Самого Христа, а не позднейшие измышления иерархов, желающих иметь максимально широкую и послушную паству. И с самого начала бытие Церкви строилось как общинная жизнь вокруг таинства евхаристии, как единство многих в приятии евангельского благовестия, а не как бытие бесчисленного множества самозамкнутых монад, размышляющих о том, как бы поудобнее жить в этом мире и не лишаться благ вечного обетования.

Почему в Православии утверждается, что человека надо крестить в младенчестве?

Не только в Православии. Все те религиозные конфессии, которые так или иначе восходят к древней Церкви, скажем, католики, древневосточные христиане — армяне, копты, сирийцы веруют в то, что человек спасается не сам по себе, не как отдельный индивидуум, единолично решающий, как ему быть и действовать в этой жизни, а как член Церкви, как член сообщества, в котором все друг за друга отвечают. Поэтому взрослый человек может поручиться за младенца и сказать: я постараюсь сделать так, чтобы он вырос добрым православным христианином. И пока он не может сам за себя ответить, за него залогом дают свою веру его крестный отец и крестная мать.

Что делать человеку, которого не крестили в детстве: сначала креститься в надежде, что потом придет и вера, или сначала надо потянуться к Богу, а уже затем креститься?

Вера, глубокая вера — это то, к чему крещеный и воцерковленный человек должен стремиться на протяжении всей своей жизни. То есть стремиться к такому стяжанию веры, с которой сочетаются и дела...

Вера, помимо всего прочего, — это усилие воли. В Евангелии один человек, который встретил Спасителя, воскликнул: *Верую, Господи! помоги моему неверию* (Мк. 9:24). Этот человек уже верил в Господа, но хотел верить еще больше, крепче, решительнее. И я думаю, что если у человека есть хоть малая степень веры в душе и желание идти

за Христом, то нужно креститься. Укрепляться же в вере будет проще, если жить церковной жизнью, а не смотреть на нее со стороны.

Нужно ли, крестившись и придя в Церковь, полностью менять свой образ жизни?

Ни в чем не должно быть абсурда. Главное, что должно быть в жизни христианина, — это мера и серьезный и ответственный отчет в собственных поступках в отношении к жизни и профессии. Совсем не обязательно переоблачаться в серо-черные тона одежд. Важно стремиться отбросить только то из своей прежней жизни, что безусловно является грехом. Предположим, если ты журналист, ты можешь им оставаться, но просто не работать в «Плейбое». Однако вообще отказываться от мира мирянину не полезно. Есть люди, призванные к монашескому служению. И этот призыв строго индивидуален, человек должен испытать зов в своей душе... Для большинства же из нас важно жить и трудиться в миру, являя собой пример христианской жизни. На этом пути можно и свою душу спасти, и очень многих людей к Церкви привести.

Сегодня часто люди крестятся, ставя перед собой какую-то конкретную цель. Например, поступить в университет, выздороветь, обрести семейное благополучие. Что дает крещение человеку на самом деле, и можно ли быть некрещеным, но просто хорошим человеком?

Да, можно. Необходимость крещения не означает, что все некрещеные — плохие люди. И наоборот, упаси нас Бог от таких рассуждений. Нельзя впадать в абсурд из-за того, что мы верим: без крещения нет спасения. Крещение — это прежде всего вхождение в Церковь, это дверь, вводящая в ее ограду. В символическом смысле это таинство, то есть особое действие Бога, в котором при ответном желании самого человека — непременно самого человека — он умирает для греховной и страстной жизни, совлекается с нее и рождается в новую жизнь — жизнь во Христе Иисусе. Но нельзя родиться с намерением тут же умереть. Человек, знающий, что после крещения в Церковь ходить не будет и крестится-то на всякий случай, подобен самоубийце, которого врачи спасают, а он говорит: «Сейчас я дам вены мои зашить, а потом все равно с балкона

брошусь».

Новопришедшим в храм обычно бывает непонятно, что здесь происходит. Это преодолимо?

Я бы не сказал, что пришедшему с целью действительно вникнуть в то, что в Церкви происходит, решительно ничего не понятно. Я думаю, что когда хор поет «Господи, помилуй» или «Поддай, Господи», – это понимает даже самый внешний по отношению к церковной жизни человек. Когда священник, благословляя, скажет: «Мир всем», любой человек поймет, что речь идет о мире и о взаимной любви, а не о вещах противоположных. Так что определенная понятность существует даже для людей, оказавшихся в церкви случайно. Самым сложным для усвоения в церковной жизни оказывается не обрядовая сторона, которая может вызывать какое-то недоумение или смущение только в первые дни, недели, месяцы знакомства с ней, а само содержание евангельского благовестия и церковного вероучения. Вот его действительно трудно понимать разумом. Скажем, догмат о единосущности лиц Пресвятой Троицы вряд ли кто-нибудь в простоте и без внутреннего усилия может принять. Но еще более трудно принять тот нравственный закон, который провозглашается в Церкви и о котором Спаситель говорит такими словами: *Иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11:30). Трудно принять необходимость стеснять себя ради другого человека и исполнять те или иные уставы Церкви, польза которых для нашего духовного и телесного здоровья только со временем становится понятной. И здесь от человека требуется серьезное усилие. В Евангелии говорится о том, что *Царство Небесное силою берется* (Мф. 11:12), то есть достигается усилием. А церковные правила — это не просто нечто, людьми придуманное, — мол, захотелось кому-то с кадилом ходить в золотом облачении, — в них отразился опыт двух тысячелетий молитвенной, духовной жизни народа.

Но что делать, если во время богослужений не разбираешь слова песнопений, молитв?

Во-первых, регулярно ходить в церковь. Чем чаще будем бывать на службах, тем проще будет понимать то, что на них поется и читается. Конечно, те, кто приходит только на Рождество и на Пасху, действительно, ничего понять не могут, кроме «Господи, помилуй» и

«Христос воскрес!»

Во-вторых, — но это уже совет для более воцерковленного человека — заранее ознакомиться с текстами богослужений, которые в то или иное время будут совершаться, и особенно в дни Великого поста или великих праздников. Кроме того, сейчас у каждого есть возможность на службе — и это никак не противоречит церковному Уставу — держать перед глазами тексты литургии, всенощной, акафистов, канона Андрея Критского, дабы не упустить неслышанным ни одного слова молитвы.

В-третьих, — и это общий совет для всех, — когда во время богослужения внимание рассеивается и потом и вовсе уходит вне зависимости от понятности слышимого, а по каким-то нашим внутренним причинам, надо читать про себя Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Казалось бы, парадоксально, но именно через нее, сквозь нее, благодаря ей богослужение будет восприниматься более отчетливо, внятно, менее рассеяно.

Как правило, во время службы мало кто даже не из новоначальных может со слуха разобрать слова апостольских посланий. Не означает ли это, что сакральность церковнославянского языка важнее понимания произносимых текстов?

Чтение зачала из апостольских Деяний или апостольских посланий, которое полагается совершать на каждой литургии и которое предваряет чтение Евангелия, совершается, как и все наше богослужение, на церковнославянском языке и, действительно, со слуха восприятие иных из частей Апостола непросто. Впрочем, это относится не ко всякому апостольскому зачалу. Те, которые читаются во время Пасхи и повествуют нам о деяниях апостолов, вполне незатруднительно уразумеваемы и ничуть не сложнее, чем Евангелие, которое мы же понимаем, стоя на службе в храме и слушая евангельское зачало. Нетрудно понимаемы со слуха и отрывки из так называемых пастырских посланий апостола Павла — к Титу, к Тимофею, к Филимону, где содержатся наставления, вразумления как частного характера, так и обращенные к целым христианским сообществам. Никто не соблазнится в уразумении

послания апостола Павла к Коринфянам: *Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...* (1 Кор. 13, 4—8). Действительно трудно понимать отрывки из послания к Римлянам, может быть, к Фессалоникийцам и особенно к Евреям.

Но прочитайте их не по-церковнославянски, а по-русски, не заглядывая в святоотеческие комментарии или другие какие-либо толкования, и вы убедитесь, что чтение по-русски не намного приоткроет вам глубины того сокровенного смысла, который в этих посланиях есть. Для того чтобы понять проповедь апостола Павла, нам, современным людям, нужно обратиться к традициям их церковного истолкования от Иоанна Златоуста до Феофана Затворника. Святой апостол Павел был великим богословом, и богословие его премудро и глубоко. Оно требует изрядного и духовного, и интеллектуального усилия. Очень непросто, скажем, понять диалектику соотношения закона и благодати, веры и доброделания, чего ждет от нас Господь как нашего участия в деле собственного же спасения. Так что не церковнославянский язык является здесь препятствием, а то, что чаще всего, осознав эту проблему несколько затрудненного в нашем современном сознании восприятия иных из частей апостольских посланий, мы, тем не менее, долгие годы не прикладываем ни малейшего усилия к тому, чтобы приблизиться к пониманию того, что действительно трудно. А ведь каждый из нас, собираясь в храм, имеет возможность посмотреть в календаре, какое из зачат апостольских посланий будет в этот день читаться на службе, и заранее посмотреть его святоотеческое истолкование, которое сегодня незатруднительно найти почти в любой церковной лавке. Так что дело здесь скорее в отсутствии нашего ответного усилия пойти навстречу Апостолу, чем в сложности церковнославянского языка.

Кроме того, подтекстом этого вопроса может быть еще и то, что, мол, как было бы хорошо, если бы священник в своей проповеди истолковывал не только Евангелие и жития того или иного святого,

но и апостольские послания. Однако тот, кто задает этот вопрос, не восскорбит ли душой, если к длительности богослужения добавится еще и время истолкования апостольского чтения, по природе своей не могущее быть кратким.

Сегодня некоторые церковные люди, в том числе и священнослужители, призывают сделать богослужение более понятным, то есть вести его на современном русском языке. В этом есть насущная необходимость?

Сделать что-нибудь сложное понятным без недопустимого упрощения очень трудно. Приведу такую аналогию: рождественская открытка, изображающая елку, Ангела, живоподобно и изящно выписанного, умильный снежок под луной, благодушных животных, склонившихся над яслями, может вызвать сентиментальное чувство у человека, который о Рождестве Христовом почти ничего не знает. Но она никогда не заменит православной канонической иконы Рождества, в которой столько уровней смысла и красоты одновременно, что она превосходит эту картинку неизмеримо. Или, скажем, «Троица» преподобного Андрея Рублева и какая-нибудь протестантская открытка «Христос любит тебя, друг» с изображением руки или веселого улыбающегося господина, который сообщает нам эту радостную весть. С точки зрения духовного уровня они даже несоотносимы между собой. То же касается и языка. Бывают такие произведения светской литературы, когда перевод может лишь отчасти передать подлинник. И не с каждого языка возможен адекватный перевод на другой язык. Но Церковь признала церковнославянский язык наиболее близким, и выразительно и духовно наиболее адекватным древнегреческому и древнееврейскому языкам, которые лежат в основе богослужебных православных текстов. Что же касается непонятности церковнославянского языка, то это тоже в значительной мере надуманно. Мы же не говорим, что нам непонятен «Пророк» Пушкина, или стихотворения Державина, или другие произведения отечественной словесности X V III — XIX столетий.

Греки как читали античных классиков на древнегреческом языке, так и читают поныне, хотя новогреческий язык даже дальше ушел от своей основы, чем русский от церковнославянского. Конечно, если

Господь пошлет людей с духовным талантом, зрелостью и святостью подобных равноапостольным святителям Кириллу и Мефодию, которые смогут осуществить этот подвиг воцерковления русского языка в такой же мере, в какой был воцерковлен язык церковнославянский, то можно будет этому только радоваться. Но где сегодня могут быть такие люди, я, честно говоря, себе не представляю.

Правомерно ли вполне устойчивое мнение, что в Католических храмах легче молиться — все приспособлено для того, чтобы ты не ощущал свою физическую немощь, в отличие от православных храмов, многочасовое стояние в которых не всем бывает по силам и отвлекает собственно от молитвы?

Короткая служба — это, конечно, сильный аргумент для человека, который хочет считать себя христианином. Безусловно, можно и молиться поменьше, и в храм ходить пореже, но только тогда и католики по отношению к тем же протестантам ретрограды — у тех во время богослужения и вовсе вставать необязательно, и служба раз в неделю, и продолжительность ее сведена к минимуму, и постов соблюдать не надо, и исповедоваться тоже. Так что тут вопрос в том, чего мы ищем в Церкви. Услаждающего слух музыкального аккомпанеента для наших благопристойных умозаключений в тихом благолепном месте, которое хорошо проветривается и где пахнет ладаном, или молитвенного труда, духовного усилия ради личной встречи с Христом? И в таком случае стоит ли смущаться двумя-тремя часами, проведенными в храме на воскресном или праздничном богослужении?

Что лучше для работающего человека: реже приходить в храм и стоять всю службу или почаще забегать, но ненадолго?

Лучше, конечно, в храме бывать как можно чаще. Это духовно полезно каждому из нас. Но лучше присутствовать не на какой-то части богослужения, не просто зайти свечку поставить, о чем-то своем помолиться, но помолиться со всей Церковью во время всей службы. Ничто не заменит этого опыта совместной молитвы, в

особенности на литургии, когда мы причащаемся Тела и Крови Христа Спасителя. И лишать себя этого никак нельзя.

Сегодня очень многие, приходя в храм, считают, что здесь обретут рай, а священник должен быть непогрешим — чуть ли не как Сам Господь Бог. Но когда встречаются непонимание или какие-то раздоры, то впадают в уныние и порой уходят из Церкви. Такая реакция оправдана?

Такому человеку можно посоветовать толь одно — опомниться и сказать себе: «Ну вот, слава Богу, Господь дал мне понять, что на самом деле я шел в Церковь не за тем, за чем нужно». И то, что иной раз через те или иные скорби церковной жизни, через разногласия с батюшкой или с какими-то членами прихода нам Господь дает это почувствовать, — это благо. К пользе нашей же души. Мы начинаем понимать, что в Церковь шли не ко Христу, а к понимающему священнику, к приятному человеческому общению, к хорошему запаху ладана, к благоговейному пению хора, к ощущению особенной теплоты, которая, как раковина, защищает от всего недоброго, что окружает нас в мире... То есть шли почти что как в клуб или удовлетворяющее нас сообщество людей и искали в Церкви душевный комфорт, а не спасения души. И когда нам напоминает о том, что спасает Христос, а не кадило и не ласково говорящий батюшка, надо за это Бога поблагодарить. И, осознав это, идти в Церковь к Нему, а не к людям.

Еще Ефрем Сирийский писал, что Церковь — это не только сообщество святых, но и толпа кающихся грешников. А если бы все начали оценивать, насколько приятно стоять рядом друг с другом в одном приходе, то стали бы разбегаться и пришлось бы строить миллионы храмов по всей Руси. И по большей части индивидуальные кабинки, где бы каждый и пребывал... со своим психоаналитиком.

Но, действительно, в Церкви вы встретите и людей, живущих благочестиво, и ту теплоту души, которой нигде больше не найдете, и встретите именно тогда, когда не будете стремиться это получить для себя как некое бесплатное душевное утешение. Идите ко Христу, ищите единого на потребу, как говорится в Евангелии, и все остальное приложится вам.

Может ли прихожанин своей исповедью смутить священника?

На этот вопрос, наверное, можно ответить двояко. Нет, нельзя, даже если человек исповедует грехи крайне постыдные. Ведь понятно, что за таким вопросом стоит определенный подтекст, мол, бывают ли грехи столь постыдные или иной раз касающиеся самого священника, которому человек исповедуется, что и сказать об этом неловко. Так вот, в таких случаях, безусловно, нужно помнить, что стыд этот — ложный и что искреннее покаяние человека, даже в самом гнусном, самом отталкивающем грехе, каждому пастырю в радость, а не в скорбь и уязвление. Священник, который видит свое духовное чадо кающимся, решившим, может быть, после многомесячной или многолетней борьбы сказать о том, что действительно лежит на его душе, не скорбит, а радуется, ведь наконец это произошло и человек действительно может омыться в бане покаяния и отойти другим от исповеди. Так что этим смутить никогда нельзя. Однако можно заставить священника скорбеть или по-человечески покоробиться, когда исповедь подменяется нашептыванием на других людей и жалобой на свою жизнь. И действительно, его может очень и очень огорчить, когда люди приходят не каяться, а пожаловаться, какие они несчастные, недопонятые, недооцененные в семье, на работе, в данных жизненных обстоятельствах, и когда хотят они только одного — чтобы их пожалели. Если же священник старается напомнить человеку, что это не разговор по душам, но исповедь и призывает его покаяться, а он в ответ только обижается и говорит: «Ну как же, что же вы не хотите меня слушать, дайте я вам еще о своей теще дорасскажу...» — то это, конечно, очень и очень прискорбно. Пожалуй, каждому нужно бояться только этого и внимательно за собой следить, чтобы не превращать исповедь в обвинение окружающих и жалобы на близких.

А если видишь, что священник ведет греховную жизнь?

Прежде всего, не смущаться и не слишком быстро этому доверять, особенно если он это не сам видит, а либо слышит об этом, либо читает в газетах, на что и вовсе не надо было бы ориентироваться.

Наша светская пресса хорошего о духовенстве не напишет. Так было и до 1917 года — тех самых иерархов, священников, которые потом, после Октябрьской революции, во множестве прошли Голгофу, даже будущих священномучеников, упрекали в себялюбии, в стремлении обманывать народ, иметь как можно больше денег, обвиняли в том, что они не по убеждению, а только по материальным или корыстным соображениям стали церковнослужителями. Не следует доверять слухам, потому что путь каждого человека ко спасению сопряжен с разного рода упреками и непониманием людей, а тем более путь священника — человека, поставленного на место публичного служения, рядом с которым десятки, сотни, а иной раз тысячи людей.

Однако если мы видим нечто несомненно предосудительное, несомненно греховное в жизни и деятельности какого-то священника, то тут есть два возможных пути. Один — просто отойти в сторону и даже перейти в другой храм. Пусть вокруг человека, живущего без страха Божиего, образуется духовная пустота, вакуум, который постепенно, как пробку из бочки, вытолкнет его из церковной жизни. А второй путь — в случае вопиющей ереси, кощунственного неблагоговения или смертного греха, который происходит на твоих глазах, — это путь обращения к священноначалию, чтобы соблазн не творился в ограде церковной.

Есть ли такие грехи, которые никогда не простятся священнику, — не простятся в том смысле, что не позволят ему продолжать свое церковное служение?

Каноническими препятствиями священству становятся прежде всего грехи, определенным образом связанные с нарушением седьмой заповеди, скажем, второбрачие. На это препятствие указывал еще апостол Павел: *епископ должен быть непорочен, одной женой муж* (1Тим. 3:2). Или, скажем, если какой-то клирик уже после хиротонии допускает неверность своей супруге, он в дальнейшем, даже если принесет покаяние, лишается права священнослужения и может остаться в Церкви только мирянином. То же самое в случае греха убийства, в том числе и невольного, например, если уронил что-то с балкона на голову проходящего внизу человека или сбил на машине прохожего, перебегающего дорогу в неположенном месте. Поэтому многие священники сами не водят автомобили.

Недопустимы и открытые вероучительные заблуждения священнослужителя, вернее даже не заблуждения, а восстание против учения Церкви, впадение в ересь или в какое-либо каноническое неправоучение, скажем, как у обновленцев, которые практиковали женатый епископат, учредили второбрачное священство. Все обновленческие клирики, рукоположенные в своем сообществе, потом, когда возвращались в ограду церковную, принимались в нее как миряне или в том сане, в котором они ранее ушли из Церкви.

Священство – это избрание. Второе название каждого священнослужителя – клирик, то есть человек, взятый в удел, но взятый добровольно, сам наложивший на себя ради служения Господу обязательства большие и высшие, чем несет каждый член Церкви. К этим обязательствам относится, прежде всего, сугубая чистота веры и жизни.

Что делать, если твое мнение в каком-то конкретном случае не совпадает с мнением Церкви?

Я думаю, что сначала нужно четко определить, что мы подразумеваем под «мнением Церкви». Если речь идет об отношении к тем или иным реалиям политической, общественной, культурной жизни, которое выражено какими-то священниками, или церковным священноначалием, или Издательским отделом, или какой-то иной церковной структурой, то здесь за каждым христианином сохраняется внутренняя свобода. И нет никакой необходимости считать, что сказанное тем или иным батюшкой или церковным отделом – истина в последней инстанции.

Если ваше мнение по поводу того или иного романа, кинофильма, общественно-политического события, педагогического подхода к конкретному человеку отличается от мнения кого бы то ни было из церковных иерархов или священнослужителей и при этом вы убеждены, что ваша точка зрения продиктована не личным пристрастием, не недостатком информации, а выношена как плод сознательного внутреннего убеждения, нет необходимости духовно себя насиловать и называть белое — черным, а черное — белым. Я знаю, к примеру, что иным из старшего поколения духовенства поначалу нравились некоторые из латиноамериканских

телесериалов, где добро торжествовало, невинность выходила замуж, а злодеи бывали наказаны. Но я также знаю, что многих верующих, у которых развито художественное чутье, коробило само опошление высоких идеалов, которое в этих сериалах происходило.

С другой стороны, если речь идет о вопросах вероучения, догматике, что называется «конечных жизненных вопросах», то здесь для православного человека существует только один критерий — соотнести свое мнение с Преданием Церкви. И если мы видим, что наше мнение решительно противоречит тому, чему учит, чем живет и как молится Церковь, то нужно со смирением сказать: «Господи, я пока не понимаю, в чем не прав, но я верю Тебе, верю святым отцам и не хочу противоречить тому, чему учишь Ты». И в таком случае отказаться от своего мнения.

Многих смущает, что наряду с красотой и благолепием возводящихся и реставрируемых храмов в Церкви нередко можно встретить невнимательное, неблагорасположенное и даже грубое отношение некоторых священников к прихожанам, и это сильное искушение, особенно для новообращенных. Чем все это объясняется?

Я умаю, что в этом вопросе сопряжены совершенно разные стороны церковной жизни. Здесь сказалась какая-то наша внутренняя нечестность или лукавство, когда мы одно, как бы несомненно отрицательное, соединяем с другим, вовсе не несомненно отрицательным, в некое единое целое, и тогда бывает по пословице: вместе с водой можно выплеснуть и ребенка. Совершенно недопустимы в церкви грубость, некорректность, превознесение одного человека над другим, тем более священнослужителя над мирянами или впервые входящими в церковь. О недопустимости этого на московских епархиальных собраниях клирики нашего города каждый год слышат от своего епархиального архиерея Святейшего Патриарха Алексия. Поэтому любой, не прислушивающийся к его словам, в прямом смысле слова нарушает волю епископа. И мы знаем, что в тех случаях, когда это происходит, заслуженное наказание и каноническое прещение настигают тех, кто допустил подобное в практике того или иного прихода. Вплоть до запрещения

священнослужения или снятия настоятельного послушания. Так что нельзя сказать, что Церковь не замечает этого изъяна в церковной жизни и не борется с ним. Впрочем, борьба эта непроста. Каждый по себе знает, как сложно, особенно в состоянии предельного утомления, вымотанности, загруженности сверх всякой меры, сохранить постоянную доброжелательность, открытость, внимательность, деликатность к окружающим нас людям и на работе, и в семье. Наверное, миряне тоже должны помнить о том, что и священнику бывает нелегко, и иной раз, когда из его уст вырвется раздраженное или резкое слово, нужно суметь покрыть это любовью.

Что же касается благоукрашения церкви, то нужно помнить, что православные храмы от века строились в той дивной красоте неба на земле, в какой мы их сегодня созерцаем, и отнюдь не только в эпохи внешнего благополучия, усиления княжеств или торжества империй, но и тогда, когда было бесконечно трудно жить. Храм Святой Троицы будущей Троице-Сергиевой Лавры был построен, когда монгольское иго еще тяготело над Святой Русью. Белокаменные храмы северо-восточной Руси начали воздвигаться после самых трагических десятилетий истории, когда людям в прямом смысле, а не в переносном, как сейчас, часто совсем нечего было есть. София Константинопольская требовала от своего государства, от каждого человека огромных жертв для того, чтобы стать тем символом величия Православия, каковым она даже и в нынешнем поруганном состоянии пребывает. Так что и теперь любовь верующего народа к храму, желание зачастую при всей скудости собственного дома видеть дом Божий украшенным, благолепным — это та же любовь, которую мы видим у женщины, принесшей мир, чтобы отереть своими власами ноги Спасителя, та же любовь, которую проявили жены-мироносицы, пришедшие рано утром ко гробу Господа в день воскресения. И ту же похвалу заслуживает самая малая жертва, как та лепта вдовицы, о которой говорил Спаситель. Но ведь для верующего человека это естественно — все лучшее, все самое дорогое, все то, с чем, может быть, даже трудно расстаться, отдавать Богу. И в этом нет и не может быть ничего смутительного.

Многие искушаются еще и тем, что нынешние священники, после службы сбросив рясу, как театральный костюм,

благоухая дорогими духами, садятся в фирменные машины, тогда как Христос ничего не имел и ходил пешком.

Правомерно ли такого рода поведение?

Относительно дорогих духов, ничего не скажу — не знаю, а фирменных машин у священников видел не много. Но, мне кажется, если у преклонных лет батюшки, достигшего вместе со своим приходом такого материального благосостояния, что у него появляется возможность перед литургией не трястись в переполненном автобусе или метро, а доехать до храма на автомобиле, то что же тут плохого? И сам факт наличия машины свидетельствует о том, что не только священник думает о своих прихожанах, но и они о нем. Совершая требы по домам, он может добраться к большому количеству людей, сохранив при этом больше сил для общения с ними, нежели если бы он приезжал на общественном транспорте. И всему этому можно лишь порадоваться. Что же касается вопроса, ходить ли всему духовенству по городу в рясах, то посоветую задавшему его купить плащ такой длины, чтобы полы достигали тротуара, поносить его хотя бы пару недель весной или осенью и посмотреть, что будет.

Почему, если больше половины дней в году — постные, так много полных священников?

Если складывается впечатление, что это от легкости монашеской жизни, то я советую придерживающимся такого воззрения съездить недельки на две в любой из православных монастырей и примерить на себе, легок ли монашеский хлеб. В общем, ответ тут довольно простой. Дело в том, что сам режим питания священнослужителей достаточно специфичен. Безусловное соблюдение постных уставов на протяжении большей части года предписывает воздержание от мясо-молочной пищи, а также воздержание от всякого потребления пищи в день священнослужения часто до середины дня, а то и позднее. В наших же реальных условиях главными компонентами постной пищи чаще всего оказываются хлеб, картошка и макароны, которые, как знает прекрасная половина нашего студенчества, отнюдь не способствуют особой стройности талии.

Почему современный человек должен расплачиваться за грех Адама и Евы?

Расплачиваться не должен. За нас уже расплатился Господь наш Иисус Христос. И в этом смысле удовлетворение правде Божией жертвой Его Сына принесено. Вместе с тем мы действительно связаны друг с другом так, что вина одного человека отзывается в жизни всего мира. Апостол Павел уподоблял Церковь человеческому организму. Когда болит палец или сердце, это отзывается во всем теле. Когда страдает хотя бы одна пораженная раком клетка, страдает весь человек. И все мы связаны в единый человеческий род. Господь так устроил, что нельзя махнуть на всех рукой и сказать: я тут один спасаюсь сам по себе, как улитка в ракушке, а что с другими происходит, мне дела нет. Вот такой свободы не замечать окружающих, живших до нас или живущих сейчас, нам не дано. Наверное, это кому-то не нравится. Но ведь не будь тех самых семи праведников, ради которых Господь терпит всех остальных, не будь молитв святых и их помощи, что было бы с нами? Не совершился ли бы тогда на нас Божий суд по слову, сказанному Ефремом Сириным: «Не называй Бога справедливым, потому что если бы он был таким, ты бы уже давно был в аду». Действительно, к Богу неприменимы сами понятия человеческой справедливости. Мы скорее ощущаем на себе Его милость, а не наказание.

А человек, крещенный в детстве, по-настоящему добрый, сердечный и неэгоистичный, но который не верит в Бога и в Церковь не ходит, неужели тоже осудится наравне с грешниками?

Милость Божия действительно несоизмерима ни с чем. Мы, будучи в Церкви, со всеми нашими немощами, с не до конца преодоленной гордостью, себялюбием, эгоизмом, имеем возможность покаянно вздохнуть и не терять надежду, что Господь не вменит нам все то, что лежит на нашей душе, и судить будет не судом человеческой справедливости, а судом Божеской милости и долготерпения. Тем более мы не должны приговаривать к гибели тех, кто сегодня пребывает вне церковной ограды, и считать, что им уже уготовано гореть в геенне огненной. Безусловно, уверенность православного

человека, что вне Церкви нет спасения, основывается на словах Самого Господа: *никто не приходит к Отцу, как только через Меня* (Ин. 14:6). Это значит, что в конечном онтологическом смысле вне Христа и вне Церкви нет спасения. Нельзя спастись благодаря мусульманству, благодаря буддизму, позитивизму и марксизму. Благодаря той или иной этической доктрине или бытовой этике, традиционно усвоенной от предков. Спасти может только Господь. Но мы никак не должны подходить формально или рационалистично к тому, где и как может произойти встреча души человека с Христом. Эта встреча может произойти, как у разбойника на кресте, в последние минуты бытия, когда перед человеком предстанет вся его жизнь, может быть и добрая, однако так бесконечно неполная без веры во Христа, что он пусть и не устами, но сердцем так же воскликнет: *помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!* (Лк. 23:42). И услышит он благой ответ Сына Божия, ведь Бог есть любовь, и мы должны верить, что у человека всегда остается надежда на спасение. Конечно, мы должны молиться, чтобы наши близкие как можно раньше пришли к такой встрече с Богом и не только последние минуты своей жизни наполнили тем миром, красотой и любовью, которые дает нам Господь.

Вообще, верующему человеку хорошо бы всегда помнить слова святого Пимена Великого: «Все спасутся, один я погибну» и никогда не успокаиваться в отношении некой зарезервированности своего личного спасения, ни о ком другом стараться не судить, мол, тот-то наверняка погибнет, а я-то получше его, поближе к Царствию Небесному. Вот чувства, которые мы всячески должны гнать из своей души.

К верующему человеку приложимо мирское понятие одиночества?

Одиночества в конечном, самом трагическом смысле этого слова для верующего человека нет. Мы всегда должны помнить, что отвернуться, предать могут люди, даже самые близкие. Но никогда не оставит нас одних Спаситель, если только мы сами не уйдем от Него на страну далече. Такого одиночества, из-за которого уныние и тоска охватывают всю душу человека так, что он даже дерзает расстаться с

этой земной жизнью, истинно верующий просто не может испытывать. Отчуждение же от окружающих людей либо по нашим немощам, либо по мировоззренческим и идеологическим расхождениям в те или иные периоды почти неизбежно. К временному отдалению от родных, друзей, которые пока не идут тем же путем, что и мы, нужно относиться трезво и верить, что оно может быть преодолено нашим спокойствием, мирным несением своего креста, надеждой на то, что если мы сами будем жить по-христиански, то есть добро, без обид, с молитвой за близких, то мы вновь будем вместе, только уже по-другому, лучше, чем было до того. И я знаю множество тому примеров, когда такое происходит.

Что такое духовный рост?

Это то же самое, что отмывание окна. Каждый из нас представляет из себя окошко, которое, если как следует мыть и чистить, то через него будет видно больше света. Мы приходим к началу своего духовного становления с разной степенью замусоренности. И по мере возрастания у нас все меньше и меньше остается своего, своей грязи и сквозь нас на тех, кто за нами, подалее, начинает доходить больше света Божиего. Духовный рост — это не самораскрытие собственных лепестков, не саморасцветание пышным цветом, это сдраивание всего того наносного и грязного, что на насросло и что мы в себя допустили. В результате тот образ и подобие, которые есть в каждом, будут все яснее и яснее.

Что значит «образ и подобие»? В чем здесь разница?

В Священном Писании говорится, что на Предвечном Совете Божиим было сказано: *сотворим человека по образу Нашему и поподобию Нашему* (Быт. 1:26), и потом, когда человек уже был сотворен, говорится, что он был сотворен *по подобию Божию* (Быт. 5:1). Образ Божий — это внутренние сущностные черты человека, которые делают его действительно иконой Творца. Это прежде всего — внутренняя свобода выбора, способность разума, дар слова. И эти качества в той или иной мере присущи каждому человеку, они отличают его от всего иного видимого тварного мира, какими бы близкими и похожими на нас ни казались некоторые представители живых существ из мира

животного. Подобие же Божие дано нам как потенция, как возможность, как то, что мы можем реализовать в себе, возрастая на путях духовной жизни. Не случайно один из типов святости так и называется — преподобный. То есть, значит, чрезвычайно уподобившийся Творцу, более, чем все остальные, Ему подобные по природе своей, кто душу свою возрастил, сделал крепкой в добродетелях, возвысил горе.

С чего начинается духовное возрастание?

Преподобный Иоанн Лествичник в своей книге «Лествица» указывает тридцать три ступени духовных добродетелей, духовного возрастания. Но к нам, живущим в миру, относятся разве что самые первые из них. И главное, без чего действительно невозможно никакому человеку спастись, — это необходимость отречься от любви к миру и от того, что в мире. Без этого нет христианина. Но это как раз то, что так часто не делают те, кто, считая себя верующими людьми, остаются при этом и людьми мира, который, как известно, *лежит во зле* (1 Ин. 5, 19).

Внутренняя мера нашей жизни должна исходить не из тех правил, которые творит современный нам век, а из тех вечных заповедей, которые проповедаются в Евангелии. Да, можно быть просто хорошим человеком, который добро относится к окружающим его людям, разумеется, в той или иной степени, насколько это сильно не затрагивает его или не требует необычайного подвига. Да, можно иметь неокаменевшее сердце, которое отзывается при виде нищей старушки. Но именно об этом преподобный Серафим Саровский сказал суровые и потому необходимые для нашего спасения слова, что добро, сделанное не ради Христа, не укрепляет душу, не приводит к спасению, оно ничто для жизни будущей. Стоит вдуматься в эти слова. Только то, что мы делаем, памятуя о том, чему Христос Спаситель учил нас, памятуя о том, что это дело христианского подвига стеснять самих себя причем делать добро по отношению к людям и по отношению к своей душе, и делать это Бога ради, — только это приближает нас к Царствию Небесному. Но все это обретается, когда мы усилием заставляем себя отречься от любви к миру и от того, что в мире.

Это самая первая ступенечка, и только ступив на нее можно надеяться стяжать — если и не в этой жизни, то, по милости Божией, в жизни вечной — то добродетельное состояние, которое является концом лестницы и которое есть любовь Божественная. Святые отцы предупреждают, что подлинная христианская любовь не открывается новонаначальному христианину, она не открывается вдруг и сразу. И человеку, знающему, что любовь к ближнему — главная заповедь евангельского благовестия, следует также знать, что только очистив сердце и пройдя весь длинный и трудный путь, когда открывается то зрение, о котором говорит Господь: *Блаженны чистые сердцем, ибо очи Бога узрят* (Мф. 5:8), можно понять, что такое Божественная любовь и любовь христианина во Христе.

И мы знаем, что восхождение по духовной лестнице возможно, что оно происходило в жизни множества людей — и простых, и знатных, и живших давно, и совсем недавно. Я вспоминаю сейчас почившую в 1999 году игумению Новодевичьего монастыря матушку Серафиму, которая явила в своей жизни, в своей маститой старости это удивительное свойство — жить ради большего, чем то, что может дать эта жизнь даже самым благочестивым, добрым и уважаемым людям. Я имею в виду не ее монашество, которое уже было плодом осуществившегося подвига души, а тот день и час, когда она — заслуженный доктор наук, почитаемый всеми человек, и не только людьми мирскими, но и прихожанами церкви, где все знали, что она не просто бабушка, — пошла и встала за свечной ящик. И во спасение своей души через победу собственной (как она потом вспоминала) гордости подвизалась на этом одном из самых трудных для послушания в церкви мест, достигнув всего, чего в этой жизни человек может достичь.

Исповеданный и отпущенный священником грех окончательно прощен?

Окончательно. И в этом мы тоже отличаемся от католиков, которые считают, что в исповеди вина прощается полностью, но это не отменяет наказание за него и что человек, как бы он искренне не раскаялся и не исповедался — даже если это Мария Египетская или разбойник на кресте — все равно должен еще в своей земной жизни

претерпеть наказание ради удовлетворения правде Божией.

Молитвы, входящие в утреннее и вечернее правило и предназначенные для каждого православного христианина, были написаны святыми отцами много веков тому назад, то есть языком совсем другого времени, поэтому для многих их каждодневное обязательное вычитывание становится почти автоматическим. Можно ли молиться только своими словами?

Язык не только утренних и вечерних молитв, но и самого богослужения, которое постоянно обогащается новыми песнопениями, канонами, акафистами, принципиально, в главнейших своих формах, сложился более тысячи лет тому назад. Поэтому составитель современного акафиста будет стараться быть верным всей предыдущей традиции такого рода составления. А иконописец, который сегодня пишет тот или иной образ и уже не может избежать некоей экспрессии, приобретенной опытом живописи XIX - XX столетия, тем не менее непременно опирается на всю ту иконописную традицию, которая складывалась веками.

Так что молитвы, входящие в утреннее и вечернее правило, — это не просто произведения словесности средних веков. Они потому и отобраны, что выше своего времени. Откройте творения святых отцов — сколько у них еще молитв, часто дивных, но которые мы не употребляем в нашем каждодневном обиходе.

Почему же верующему человеку желательно читать именно эти издавна отобранные молитвы? Потому что они задают некоторый столетиями выверенный ориентир. Они дают указание: пойдешь по этой дороге — не ошибешься. Может быть, ты будешь сползать с нее, может быть, она тебе покажется трудной и ты надолго задержишься в самом ее начале, но, пойдя по ней, ты не свалишься в овраг, ведь дорога уже проложена. И это великое дело, так как за этими молитвами стоит духовный опыт множества людей, которые знают, что это за путь и куда он ведет.

И почему нельзя ограничиваться только молитвами, сказанными своими словами? Да просто потому, что уровень того, как мы можем молиться сами, в общем-то, — по нашу голову, не выше. Конечно, в

самый лучший, высокий момент своей жизни можно и подпрыгнуть, и слегка на волне подлететь. Как поется на литургии, «Горе имеем сердца». Это как Монблан духовный. Видишь вершину и знаешь, что она должна быть и в твоей жизни. И знаешь, что можешь так же, как говорится в молитве, относиться к греху, так же болеть о Боге и так же благодарить Его за то, что сегодня день такой хороший, солнышко светит и близкие рядом, и за то, что веяние благодати коснулось твоей души. И пусть я эти слова сейчас в меру своего разумения повторю в сотую или тысячную долю их значимости, но я повторю их как песчинка, которая лежит у основания этого самого Монблана, а не та, которая невесть где на обочине проезжей дороги.

Учителя духовной жизни, безусловно, советуют нам сочетать молитвы церковные, которые мы вычитываем из молитвослова, с личными молитвами, когда душа просит остановиться и помолиться своими словами. Однако, опять же, если мы всякий раз будем молиться лишь по-своему, то вскорости все это отольется в некие привычные словесные формулы, но куда более мелкие и незначительные, чем те, которые даны нам святыми отцами.

Из книги «400 вопросов и ответов о вере, церкви и христианской жизни». Издание сретенского монастыря, 2004 г.

- **Почему говорят, что без Церкви нельзя научиться правильно верить в Бога, ведь Бог везде?**

Мы без школы не можем научиться правильно читать, писать, без учебы в институте не получим образования, точно также и без Церкви нельзя научиться вере.

В Церкви совершаются все таинства, здесь Господь – наш Отец и Учитель – принимает общую молитву и покаяние каждого. Начиная с таинства Крещения, человек здесь проходит всей жизнью и отправляется в вечность. Церковь – это школа, которая готовит граждан для Неба. Потому святые отцы говорят: «*Кому Церковь – не Мать, тому Господь – не Отец*».

- **Когда в церкви много народа, мне это не нравится, это отвлекает,**

смущает. Наверное, было бы лучше, если бы церковь была индивидуальной. Возможно ли такое?

Возможно. Каждый человек – это индивидуальная церковь; трудно тебе, встань в уголке храма, затвори двери своей души и никого, кроме Господа, не впускай, ни на кого внимания не обращай, помни, ты пришел к Богу, а не к людям. А без Церкви никак, хорошо дома молиться, но никакая домашняя молитва по силе и благодати не сравнится с церковной. Поэтому в Церковь нужно ходить обязательно! Господь дал заповедь: *«Шесть дней работай и делай всякие дела твои, а день седьмой – суббота (воскресенье) Господу, Богу твоему: не делай в оный никакого дела» (Исх. 20:9,10)* и иди в храм. То есть посвети день Богу, душе своей и добрым делам. Если есть возможность, то ходить нужно чаще. А нет на буднях возможности на службе побывать, просто зайдите в храм, сделайте земной поклон и скажите: «Господи, благослови меня на работу». И Господь вас благословит и с Божиим благословением любое праведное дело будет спориться...

• Человеку во время богослужения становится плохо – почему это?

Обычно всем, кто еще полностью не раскаялся, не совершил генеральную исповедь, бывает в храме плохо. Благодать Божия действует, а душа грязная, не вмещает ее, вот человеку и становится плохо. Особенно часто это бывает во время венчаний. Храм свободный, светлый, воздух чистый; начинается венчание, женщине дурно, она теряет сознание, падает... Тому же, кто чистосердечно покается во всех грехах, начнет молиться, благодать Божия помогает возрастить духовно; такому человеку в храме хорошо. Слыша церковное пение и чтение, он погружается в океан Любви. И Любовь Божественная такова, что человек в ней утопает, забывая о том, где он – на Небе или на земле. И долгая служба (а на Афоне она по 14-15 часов) пролетает для него миготом, незаметно. Он только вошел в храм, очнулся от молитвы – а уж и служба кончилась! Но это только у тех, кто постоянно пребывает в молитве, кто настраивает себя на молитву с утра. Придет в храм, а его внутренняя молитва подхватывается слабой...

